

questions will probably yield only uniformity at the price of distortion. The next great book in ethics should probably not have as its title “A Theory of...” but rather something like “Muddling Through” or “Stumbling Along.” All we can hope for from philosophy is to advance the moral conversation a bit, thereby allowing us to stumble with a somewhat steadier gait.

## Джеффри Мерфи<sup>1</sup>

Мораль, на мой взгляд, имеет дело с тремя вопросами – вопросом добродетели (какой характер следует пытаться в себе развивать?), вопросом прав и обязанностей (как следует относиться к своим собратьям – человеческим существам?) и вопросом надлежащих социальных, политических и правовых институтов (какой социальный порядок наилучшим образом обеспечивает права, обязанности и добродетель?). Третий вопрос показывает, что моральная философия и политическая философия существенным образом пересекаются. Эти вопросы связаны между собой, но не идентичны. Например: характер не может быть в полном смысле слова добродетельным, если его обладатель не ведет себя со своими собратьями – людьми – надлежащим образом, но никто не может выполнить все свои обязанности по отношению к другим людям, не имея при этом величия и благородства души (такова конечная цель добродетели в определенных концепциях добродетели).

Большинство наших моральных обязанностей по отношению к другим людям может получить секулярное основание в пределах таких ценностей, как честность или полезность, но я не уверен, что это относится ко всем обязанностям. В своей работе «Моральный закон и закон Бога» П. Гич доказывает, что *абсолютные* моральные обязанности (те, которые, в отличие от обязанности держать обещания, не допускают исключений и оговорок) требуют религиозного основания. Возьмем обязанность *никогда*, ни при каких обстоятельствах намеренно не убивать невинных людей (например, посредством бомбардировок, которые уничтожают мирное население врага в ходе войны и нацелены на

---

<sup>1</sup> Джеффри Мерфи – заслуженный профессор права, философии и религиоведения, Государственный университет штата Аризона, США, выдающийся ученый, который внес значительный вклад в моральную, социальную и политическую философию, а также в философию права. Он опубликовал девять книг и является основным автором «Философии права: введения в юриспруденцию», ставшей образцом в этой области.

то, чтобы посеять ужас). Никогда, т.е. даже в тех случаях, когда последствия кажутся нам чрезвычайно благотворными, принимая во внимание все, что мы, конечные и способные ошибаться создания, можем знать на основе наших эмпирических и рациональных естественных способностей. Ведь такие бомбовые налеты могут в длительной перспективе спасти множество жизней наших солдат и гражданских лиц (а также солдат и гражданских лиц противника). Какие доводы, спрашивает он, могли бы обосновать такую, на вид безрассудную обязанность, кроме веры в Бога и божественное провидение? Он пытается доказать, что мы должны здесь прибегнуть к основному принципу моральной теологии – принципу, согласно которому никто не должен делать зла, даже если из этого последует величайшее благо. Если Гич прав, то те, кто не принимает этот принцип, могут использовать правдоподобные секулярные аргументы для того, чтобы считать убийство невиновных недопустимым в большинстве обстоятельств, однако, для них было бы неразумным поддерживать этот принцип без любых мыслимых исключений. Хотя рассуждение Гича кажется мне очень привлекательным, можно предположить, что, даже если он прав в отношении внутренней, существенной связи между абсолютными моральными обязанностями и религией, мы все равно не нуждаемся в идее Бога и божественного провидения (в любом случае нам не известного), потому что сама идея абсолютных моральных обязанностей – плохая идея и должна быть отброшена. Я следую по этому пути с большой неохотой, но я не всегда обнаруживаю, что основанную на вере религиозную перспективу легко принять.

По отношению к личной добродетели или совершенству характера некоторые мыслители выдвигают секулярные модели (пример аристотелевского «великодушного»), а другие – религиозные модели (пример кьеркегоровской «чистоты сердца»). Мы не можем разрешить здесь эти противоречия, но ведь наша задача состоит лишь в том, чтобы охарактеризовать природу моральных проблем, а не разрешить их.

Однако как можно разрешать моральные проблемы? Должны ли мы, приняв мое понимание природы морали, надеяться на появление моральной теории, которая даст нам процедуру для получения ответов на все моральные вопросы – процедуру принятия решений по поводу обязанностей и прав и процедуру принятия решений по поводу добродетелей? Я думаю, что нет. Моральная жизнь по своему существу конфликтна и наполнена неопределенностью, она всегда разольется за пределы любой теории, которая стремится ее ограничить. Теории, претендующие дать окончательные ответы на все моральные вопросы, могут породить лишь однообразие, достигнутое ценой искажений. Сле-

дующая великая книга в этике должна, по всей видимости, иметь заголовок не «Теория чего-то», а скорее «Продвигаясь вперед с грехом пополам» или «Ковыляя вперед». Все, что мы можем ожидать от философии – это небольшое продвижение в обсуждении моральных вопросов, позволяющее нам ковылять несколько более твердой походкой.

*Перевод с английского А. Прокофьева*

Елена Намли<sup>1</sup>

**М**ожно ли дать определение морали? Я считаю, что дать научное определение понятию морали настолько же легко, насколько сложно дать научное обоснование того или иного содержания морали. На вводной лекции по этике я определяю мораль как «совокупность убеждений, установок и практик, функционирующих в необходимой связи с такими ценностными характеристиками, как добро и зло, долг и безответственность, добродетель и порок». Далее я объясняю студентам, что этика – это научное, а значит, и *критическое* изучение морали.

На дескриптивном уровне обычно не составляет труда определить, какие понятия, установки и практики относятся к морали. Даже попадая в непривычную обстановку, например в новую или чужую культуру, при желании можно понять, какие нормы являются моральными, а какие нет. Гораздо сложнее понять, почему моральные установки функционируют по-разному, и еще сложнее обосновать легитимность той или иной моральной установки. Почему одно и то же поведение оценивается как нейтральное в одной среде и как серьезное нарушение морали в другой? Откуда берутся пророки, т.е. люди, способные бросить вызов социальным конвенциям своего времени и своей среды?

Я думаю, уже стало понятно, что как основной вопрос этики я рассматриваю вопрос о соотношении моральной нормативности и среды или нравственности и моральной конвенции. Моральные установки формируются в социальной среде и, как правило, отражают ее. Живя в обществе и находясь от него в зависимости, люди создают институт морали, т.е. набор установок о должном и недолжном, а также механизмы подкрепления этих установок, которые обеспечивают взаимодействие между людьми и стабильность социальной жизни. Не случайно периоды экономической, социальной и политической нестабильности обыкновенно сопровождаются и нестабильностью морали или, как

---

<sup>1</sup> Елена Намли – профессор теологической этики, Упсала, Швеция.